

Е. А. ТРОФИМОВА

ОБРАЗ СТРАННИКА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Ключевые слова: странник, метафизика странничества, русский космизм, номадизм, Серебряный век, модерн

Key words: wanderer, metaphysics of wandering, Russian Cosmism, Nomadism, Silver Age, Art Nouveau

Образ, метафора и конкретно-исторический феномен странничества рассмотрены в статье не только как важная часть русской православной культуры, но и как проявление космизма. Мыслители и художники-космисты во многом подготовили «номадическое» самосознание эпохи модерна.

The image, metaphor and specific historical phenomenon of wandering is considered in this paper not only as an important part of the Russian Orthodox culture, but also as a manifestation of Cosmism. Thinkers and cosmist painters largely prepared the 'nomadic' self-consciousness of the Art Nouveau age.

Образ странника мог бы быть приложим ко многим выдающимся деятелям Серебряного века в качестве эмблемы их автобиографической рефлексии. Современники называли странником философа В. С. Соловьева; З. Н. Гиппиус являет миру суть известного философа В. В. Розанова через образ «задумчивого странника».

Сам В. В. Розанов писал о себе: «Странник, вечный странник и везде только странник»¹. Розановская уединенная философия в образе странника видит проповедника, пророка: «Собственно, я родился странником; странником-проповедником»². Смелое и самоироничное розановское признание в том, что его «пророчества» есть «частность» его биографии, лишь «домашнее обстоятельство» ничуть не умаляют сво-

ТРОФИМОВА Елена Александровна, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат философских наук.

TROFIMOVA Elena Aleksandrovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy, St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation).

евременности его философии. Культуре Серебряного века вообще было свойственно разрабатывать образ странника в символически-архетипическом ключе, стремясь уяснить при этом глубинный опыт русской духовной культуры и особенности национального характера, а также формировать базовые положения и ценности метафизики странничества.

Н. А. Бердяев искал основные ориентиры и константы русского национального характера, менталитета. Ключом к пониманию этого явления он называл антиномизмом, противоречивостью русской души. Философ отмечал «недостаточное развитие личного начала в русской жизни», некоторую «мягкотелость», «стихийность» русских людей. По мысли Н. А. Бердяева, «Россия — страна безграничной свободы духа, страна странничества и искания Божьей правды». Мыслитель увидел в традиции русского странничества свободу и надмирность: «Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник — самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нем нет приземистости. Странник — свободен от «мира» и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника. Русский тип странника нашел себе выражение не только в народной жизни, но и в жизни культурной, в жизни лучшей части интеллигенции»³.

Странничество, рассмотренное в исторически-конкретном аспекте, связано с историей русского церковного раскола (бегунство и старообрядчество), протестными антигосударственными формами поведения как части крестьянской реформации. Интересна связь странничества с формированием русских народных социально-утопических легенд (например, легенда о земле обетованной — Беловодье). Культура русского странничества воплощала «народное православие»: в ней совмещались символы народной христианской веры (культ Богородицы, идея бегства от мира, невозможность спасения в миру) с традициями и верованиями славянского язычества⁴. Опираясь на традиции монашества, странники пытались приблизиться к миру священного. Само стремление к бегству из мира указывало на невозможность спасения в суете повседневности.

Культурный феномен странничества сложился задолго до Серебряного века, но именно в эту эпоху странничество попало в особый фокус интеллектуального и художественного рассмотрения. Именно Серебряный век начинает разрабатывать своеобразную метафизику странничества. Она стала гранями особого неоромантического порыва ведущих мастеров национальной культуры: глубже осмыслить свои собственные истоки и достижения для постановки задач обновления и улучшения мира. Примерно в этот же период происходит осмысление русской храмовой архитектуры, создается метафика православной иконописи. В связи с этим можно вспомнить исследования о. П. А. Флоренского об иконостасе, обратной перспективе, синтезе искусств в православной литургии. Очерки о русской иконе С. Н. Трубецкого окончательно заставили мыслить о ней как об «умозрении в красках». Многочисленные зовы-воззвания Н. К. Рериха о необходимости сохранения не только отдельных культурных памятников, но и целых природно-культурных и исторических ландшафтов свидетельствуют о широте особого культурного движения в эпоху Серебряного века.

Ситуация рефлексии на архаику, истоки русской и евразийской культур, заостряемые в эпоху Серебряного века, создавали нетрадиционные формы ее постижения. Обостряется интерес к маргинальным формам культуры, запороговым состояниям человека, молитвенному и духовному творчеству. Д. Дорофеев увидел в странничестве трансгрессивное явление: «Странник — человек “не на своем месте”, без меры общества. Он ускользает от нормативных установлений, не вписывается в общество и отторгается им и при этом вызывает даже некоторое уважительное почтение. Поэтому странничество позволяет всегда по-новому увидеть внутреннее бытие культуры»⁵.

В художественных практиках Серебряного века образ-концепт «странника» начинает символизировать путь индивидуальных духовно-нравственных исканий человека и обретения Высшего начала: странник, — это не только богомolec или религиозный подвижник, но и человек, готовый к внутренним трансформациям и поискам личного пути. Странник, оторванный от родного дома, более уязвим, чем оседло живущий человек, он не защищен от социальных и природных катаклизмов. Странничество всегда связано с неизбежностью рисков.

Странничество проявилось как особая традиция, сохраняющая основные константы и духовные универсалии русской культуры: странник держит путь в «Святую Русь». Можно отметить две основные линии странничества, ярко и полнозвучно проявленные в культуре Серебряного века: неоромантическая жажда вернуться к своим истокам и обрести их; попытка нахождения глубинного понимания между народами, культурами, областями, краями и регионами. Странствующие и есть вестники народной дипломатии.

Странничество дуалистично, оно предстает как жизнь вне дома, за его пределами. Кроме того, оно есть расширение границ дома до попыток обустройства космического пространства. Есть глубинная волнующая соотнесенность понятий странствия земного, духовного и космического. Это соотношение удалось выявить мастерам и мыслителям Серебряного века. Именно в эту эпоху сложилась традиция рассматривать странничество как особую жизненную мудрость, а путешествие как продолжение образования. Странничество становится интересным в названную эпоху именно как разновидность и способ жизнестроительства.

В современном мире путешествие становится формой потребления: люди привыкли жить даже во время путешествия в повышенной зоне комфортности. Странничество с его рисками, дискомфортом, невзгодами отесняется на второй, если не на задний план. Странников давно заменили отщепенцы, бродяги, беглые, а в современном мире — бомжи. Практика длительных пеших передвижений становится уделом немногих энтузиастов. Жизнь наполняется сверхзвуковыми перелетами, скоростными поездами и автострадами. Появилось понятие «космический туризм», практика которого быстро развивается.

Странничество можно рассмотреть не только как сюжет из жизни православной русской культуры, но и как производное от космизма, ядра русской культуры Серебряного века. Этот неистовый «порыв вдаль», характерный для новоевропейской цивилизации, продолжился в русском космизме на новом уровне. Космисты (литераторы, художники, изобретатели, мыслители и архитекторы) во многом подготовили «номадистское» самосознание нашей эпохи. Это возможно показать на примере творчества Н. К. Рериха, М. В. Нестерова, Н. С. Лескова, В. В. Розанова, Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева, Н. Ф. Федорова и др.

Феномен странничества Серебряного века трудно рассматривать без учета православных идей, но важно отметить, что странники, особенно старообрядцы, проходя огромные территории России, по существу персонифицировали взаимодействие восточных и западных, северных и южных ее регионов. Можно сказать, что феномен странничества развивался и получил культурное оформление в плотной соотнесенности культур Востока и Запада. Опыт странничества способствовал нахождению духовных созвучий между народами. Так происходит в случае странствий-путешествий семьи Рерихов.

На картинах художника-мыслителя Н. К. Рериха изображены странники разных культур: уезжает на буйволе Лао-цзы, едет в кибитке Конфуций. Образный строй работ Рериха доказывает не только его близкое знакомство с внутренними смыслами восточных культур, но и глубокое духовное проникновение в их потаенную суть. Образ «пути» играет важную роль в китайской культуре, пронизанной энергией даосизма. Иероглиф «Дао» обозначает не только предельное основание бытия, высший закон Вселенной, естественный ход вещей, но и движение, путь, дорогу. Даосский принцип недеяния — призыв к простоте и естественности, возвращение человека к жизни со вселенским ритмом: странствующий особо чувствителен к движению космической энергии «ци».

Понятие «Дао» применяли древние китайские астрономы для обозначения небесного пути движения светил. Основное значение иероглифа Дао — дорога, по которой идут люди, человеческий путь, идущий человек. Легендарного основателя даосизма мудреца Лао-Цзы китайские художники изображали бредущим по дорогам Китая или едущим верхом на буйволе. Этому мудрецу приписывают авторство самого знаменитого даосского трактата Дао-дэ-Цзин (книга Пути и Благодати).

Космический принцип Дао дает возможность сосредоточиться на пронизывающей все единой силе, животворящем и одухотворяющем начале бытия. Все сущее соучаствует в тайне Дао. Дао — это покой, благодать, полнота мира чувствования. Это внутренняя реальность, взаимопроникновение динамических противоположностей, универсальный символ всякого движения, никогда не спящий поток, ускользающее

присутствие, предел существования. Живопись и каллиграфия как «игра тушью» являла собой бытие Дао как стихию чистой игры. Жизнь в учении даосов рассматривалась как путь недеяния (У-вэй) — путь ненасилия, естественности, ненарушения природы вещей. Добродетель заключается в том, чтобы следовать природе Дао — не навязывать Вселенной ритм своей жизни, а довериться ее распорядку. Дао мудрого человека — это деяние без борьбы.

Образ-концепт странника — сквозной мотив художественной культуры Серебряного века. Фигура странника — свидетельство не только мобильности, подвижности, адаптации к чужой жизни, динамики освоения культурных форм, но и прежде всего базовая архетипическая устойчивость, способ сохранения основных констант русской культуры. Путешествие, как оно предстает в русских сказках или западных мифах и легендах, это всегда искушение принять иное, это предложение забвения собственных корней и истоков. Русский странник Серебряного века не прельщается забвением своего в угоду выгоде и комфорту. По мнению Д. Дорофеева, «странник по сути есть явление именно древнерусской культуры, в нем воплотился уникальный образ человека, решившегося в скитаниях обрести свою форму жизни, понимаемой как вечный поиск Бога на дорогах мира. Здесь отрешенность от мира и связанность с ним неповторимо дополняют друг друга»⁶.

В. В. Розанов, комментируя знаменитую Пушкинскую речь Достоевского, отмечает всемирную отзывчивость русских. Глубинная черта русских покоится в заимствовании и принятии «чужого»: «Русские имеют свойство отдаваться беззаветно чужим влияниям...»⁷. Эта черта русского человека нашла яркое отражение в русской литературе, поэзии и живописи Серебряного века.

В русском искусстве и литературе Серебряного века перед нами проходят образы сильных, парадоксальных, непредсказуемых личностей-странников. Размах и широта их судеб создают представление о глубокой духовной мощи России. Яркое богатырское начало повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» сопряжено с историей тяжелых испытаний и внутренних подвигов. «Очарованный странник» Н. С. Лескова не может быть понят без учета значимости в жизни человека духовной реальности. Произведение Ле-

скова — это не только рассказ о жизненном пути человека, пути препятствий, утрат и приобретений, но и история земных мытарств души в поисках путей спасения и обретения Града Небесного. Ключом к пониманию «двойного кода» текста Лескова является как само наводящее на смысл, взыскующее истины название повести, так и сны главного героя Ивана Северьяныча. Сны-зовы, сны-предупреждения о терпении как условии духовных достижений. Сны очарованного странника можно соотнести с некоторыми работами Н. К. Рериха («Странник Светлого Града») или со стихами В. С. Соловьева («В тумане утреннем неверными шагами...»).

Большой популярностью в Серебряном веке пользовались переписанные игуменом Паисием (Афон), «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». Сопоставление этого источника с русской литературой и живописью Серебряного века существенно обогащает наше понимание нравственной и духовной природы странничества, этот источник может быть интересен как верующим, так и атеистам. Эти рассказы неоднократно переиздавались, прямые или косвенные ссылки на них встречаются в Серебряном веке довольно часто. К заграничному изданию предисловие написал профессор Б. П. Вышеславцев⁸. Здесь основным движущим мотивом странничества называется обретение опыта непрестанной исусовой молитвы, одоление внутренних и внешних преград на этом пути. Опыт молитвы не есть опыт мгновенного погружения в особое состояние, а результат трудной и постепенной работы с внутренними проблемами: Странник остерегался того, чтобы не впасть в прелесть, духовное корыстолюбие и сластолюбие. Странствие понимается как путь обретения божественной любви. Путь странника — это долгое, трудное поэтапное обретение нового духовного опыта через глубинное общение с наставником, работу по самоанализу и самонаблюдению, поиск путей преодоления внутренних и внешних преград на пути обретения искусства непрестанной молитвы.

На более высокой стадии ученик начинает приобретать особое сердечное чувство, видение добра и любви, разлитых в мире. Постепенно происходит чувственно-телесное и духовно-нравственное преображение ученика в процессе «умного делания», творения заповеданной исихии. Сила русской философии в различении состояний ума и сердца,

что связано с ее опытническим характером, и в стремлении к формированию «созерцательного ведения». Созерцательное ведение — удачный термин, ключевой не только для внутреннего устройства человека, но и для понимания живописи Серебряного века. Интересно, что способность к созерцательному ведению приходит почти параллельно с пониманием «внутренней молитвы», преобразованием молитвы внешней во внутреннюю. Результатом обретения нового духовного опыта является то, что странствующий ученик приходит к постижению глубинного родства всего живого.

В образе странника содержится смысл Другого, Иного, а также иноверия и иномирия. Странник — это всегда если не пересечение, то встреча традиций. Это переосмысление не только пределов пространства, но и пределов культурных миров, терпения и терпимости. По наблюдениям В. В. Розанова в извечном соперничестве философии и религии первенство всегда будет за религией: «Боль жизни гораздо могущественнее интереса к жизни. Вот отчего религия всегда будет одолевать философию»⁹.

Судьба странника — соединение родного и вселенского. Он универсален, стоит как бы вне времени и временных потоков мира и судеб. Внеисторичность русской культуры, отмеченная еще П. Я. Чаадаевым, была воспринята деятелями Серебряного века в осмыслении судеб необустроенного Славянского мира. Необустроенность, неукорененность, примат кочевого стиля жизни (номадического) — вот что увидел Чаадаев в русском мире: «В домах наших мы как будто определены на постой; в семьях мы имеем вид чужестранцев; в городах мы похожи на кочевников, мы хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы к нашим городам»¹⁰.

Странник выброшен из унылой повседневности, он противостоит ей каждым мигом своего бытия, накалом своих чувств и переживаний. Странник отметит то, что другим кажется таким привычным и понятным. Взгляд странника — это взгляд Другого. Странник — это остраннение. Странничество — глубинное инобытие культуры.

Серебряный век проявил себя как необузданную игру творческих сил человека. Заложенный в Серебряном веке мощный импульс дал новую жизнь оригинальному направлению мысли и искусства — русскому космизму. Его

можно мыслить как целостное и одновременно антиномическое явление. Космизм, рассмотренный на широком поле русской культуры Серебряного века, начинает приобретать черты полифоничности. Идеи всечеловечности, вселенскости проявились в космизме с особой силой. Космизм связан со стихиями земли, воды и неба. Над Россией самый большой воздушный бассейн: она обречена на вечные грезы о полетах. Космизм Серебряного века связан не только с расширением сознания, долга и ответственности человека и человечества, но и с укреплением темы личного пути, персонализацией личного выбора. Серебряный век на место равнинной религиозности ставит горную, расширяет границы и пределы внутренней жизни и внутреннего чувствования. Эта нелюбовь к нормативности, контролю жизни ярко проявилась в странничестве. Именно странничество вобрало в себя дух русского космизма с его желанием преодоления всех и всяческих преград, вплоть до земного тяготения.

Образ странника (и это хорошо видно на полотнах Н. К. Рериха) связан с далями, горизонтами, небесным зодчеством, нескончаемыми путями-дорогами во имя незримого града. По наблюдениям Н. А. Бердяева, «в России, в душе народной есть какое-то бесконечное искание, искание неведомого града Китежа, незримого дома. Перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед духовными ее очами»¹¹.

Традиция странничества связывалась на Руси с укреплением и обретением религиозного чувства. Странничество явилось своеобразным способом осмысления пределов пространства, его границ, переходов, а значит тайн и загадок. Именно религиозное чувство мыслилось В. В. Розановым в качестве важнейшего моста с Космической беспредельностью: «Ни в одном из видов своего творчества природа человека не является в таком величии и в такой красоте, как в творчестве религиозном. Нигде человек не переступает того тесного предела, которым ограничен он, и даже в науке, поднимаясь в высшие сферы умозрения, он остается только ничтожною частицей мироздания, он сознает себя отделенным от этого мира, потому что сознает этот мир как внешний объект своей мысли; и только в той отрешенности от всего личного, от всего временного и земного, которая составляет сущность религиозного чувства, человек осво-

бождается от уз своих и сливается с Космосом. И только в этом чувстве человеческая природа является собранною в одно целое»¹². Именно религиозному чувству Розанов отводил главную роль в восстановлении утраченной связности человека и Космоса. Именно эту интенцию мы наблюдаем на картинах М. В. Нестерова, где изображены смиренные, добрые странники, наполненные самоотверженной любовью и подвигом жизни, молитвенно преподобные и умиляющиеся окружающей природе. Индивидуальное религиозное чувство становится вселенским океаном любви, пропитывающим каждый росток, травинку или дерево. Тихие скромные пейзажи русской природы М. В. Нестерова становятся воплощением разлитой в мире любви и непреходящей радости.

Путь странника проходит не через Россию, а через Святую Русь: сама природа на картинах М. В. Нестерова соучаствует в творении непрестанной молитвы, в практике «умного делания», в поиске Небесного града. Нестеров — певец русского леса. В образах странствующих подвижников его привлекала не только красота православной веры и обрядности, не только глубокая скромность и аскетизм изображенных персонажей, но и тихая созерцательная жизнь в согласии с русской природой. Вспомним такие работы художника как «Пустынный» (1888), «Видение отроку Варфоломею» (1889—1890) и другие. В работах художника периода Серебряного века пейзаж русской природы является воплощением состояния главного героя. Этот нестеровский пейзаж сопоставим с видением мира, открывшимся страннику по мере постижения иисусовой молитвы: «Когда при сем я начинал молиться сердцем, все окружающее меня представлялось мне в восхитительном виде: деревья, травы, птицы, земля, воздух, свет, все как будто говорило мне, что существуют для человека, свидетельствуют любовь Божию к человеку и все молится, все воспевает славу Богу. И я понял из сего, что называется в Добротолюбии “ведением словес твари” и увидел способ, по коему можно разговаривать с творениями Божиими»¹³. Вспомним странников на полотнах Нестерова, любующихся пробегающей мимо лисой, Сергия Радонежского, общающегося с медведем... Поток ярких и запоминающихся персонажей «Откровенных рассказов...» заставляет вспомнить простонародную веру, сомнения, чаяния и надежды. Здесь особо отмечен сыновний

путь к Богу, близкий по духу и развитый в сочинениях Н. Ф. Федорова. Актуальна для Серебряного века и тема обретения глубинной сердечной радости, дарованной и обретаемой в каждодневном молитвенном труде.

Странничество становится усилием и работой на пути обретения и положительного удерживания чувства Бога. Розанов полагал, что вера есть огромный и постоянный труд, некая точка сборки человека, проявление его устремленности к трансцендентному. Настроение светлой радости, таинственных касаний божественного, внутренне ликование, обретение тишины и покоя — на картинах М. В. Нестерова. Художнику словно вторят слова Розанова: «Нельзя достаточно настаивать на том, что христианство есть радость, и только радость, и всегда радость»¹⁴.

В живописном творчестве Н. К. Рериха человек — это путник, странник, идущий над бездной. Он связан «серебряными нитями» со всем мирозданием: «Не зритель миров, но сознательный соучастник человек, и дорога ему не через лужи, но через сияние сфер»¹⁵. Тема странничества в творчестве Н. К. Рериха многомерна и символична: она разворачивает богатство своего содержания в духовный план и означает духовное странничество и великое искание правды, способность к вечной проблематизации себя и своего места в Универсуме. Благостное «касание крыла Культуры» несет «отходящего путника в просветленном сознании»¹⁶.

Тема странствий души — любимая тема в культуре Серебряного века. Остается таковой и для наших современников. И. А. Бродский в поэме «Зофья» писал: «Впоследствии ты сызнава пловец, впоследствии “таинственный певец” — душа твоя не верит в чепуху — впоследствии ты странник наверху»¹⁷. Странствование — наиболее адекватное обозначение сущности человеческой жизни в пространстве духовной и небесной бесконечности.

Странничество Серебряного века тесно связано с обретением остроты и глубины человеческого самопознания: Серебряный век вновь открывает номадическое сознание и «сложную простоту» человека, но теперь уже на евразийских просторах России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Розанов В.В. Уединенное // В.В. Розанов. Сочинения / сост., подгот. текста и коммент. А.Л. Налепина и Т.В. Померанской. М.: Сов. Россия, 1990. С. 78.

- ² Там же. С. 95.
- ³ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 12—13.
- ⁴ См.: Дутчак Е.Е. Старообрядческое согласие странников (вторая половина XIX — XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1994.
- ⁵ Дорофеев Д. Введение в историю странничества в западноевропейской и русской культурах. URL: anthropology.rchgi.spb.ru/doc16.htm (дата обращения: 17.10.2013).
- ⁶ Там же.
- ⁷ Розанов В.В. Возле «русской идеи»... // В.В. Розанов. Сочинения. М.: Сов. Россия, 1990. С. 328.
- ⁸ См.: Вышеславцев Б.П. Предисловие // Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Париж: YMCA-PRESS, 1989. С. 5.
- ⁹ Розанов В.В. Возле «русской идеи»... С. 34.
- ¹⁰ Чаадаев П.Я. Философические письма // П.Я. Чаадаев. Избранные сочинения и письма. М., 1991. С. 26.
- ¹¹ Бердяев Н.А. Судьба России.
- ¹² Розанов В.В. О понимании. СПб., 1994. С. 348.
- ¹³ Вышеславцев Б.П. Предисловие. С. 43.
- ¹⁴ Розанов В.В. Эмбрионы // В.В. Розанов. Сочинения. М.: Сов. Россия, 1990. С. 253.
- ¹⁵ Рерих Н.К. Твердыня Пламенная. Париж: Всемир. Лига Культуры, 1932. С. 11.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Бродский И.А. Холмы. СПб., 1991. С. 39.

Поступила 21.07.2014.

E. A. Trofimova. Image of the Wanderer in the Russian Culture of the Silver Age

In this paper, the image, metaphor and specific historical phenomenon of wandering is considered not only as an important part of the Russian Orthodox culture, but also as a manifestation of Cosmism. Thinkers and cosmist painters largely prepared the 'nomadic' self-consciousness of the Art Nouveau age. The art of the Silver Age saw the image of the wanderer in a symbolic and archetypal manner as in-depth experience of Russian spiritual culture and peculiarity of the national character, and Philosophy clarified the basic provisions and the values of the wandering metaphysics. A noted thinker N. A. Berdyaev saw freedom and the supra-world nature in the Russian wandering tradition. In the historically-specific aspect, wandering is associated with the history of the Russian church schism, with the protest anti-state forms of behavior, with the formation of Russian folk socio-utopian legends.

In the Art Nouveau age, wandering was in the particular focus of intellectual and artistic consideration. It was a special neo-romantic impulse of the leading masters of the national culture. Wandering manifested as a

particular tradition, preserving the basic constants and spiritual universal phenomena of the Russian culture. In the artistic practices of the Silver Age, the image-concept of a 'stranger' begins to symbolize the path of individual spiritual and moral strivings of a person and the attainment of the Supreme principle of the universe. The experience of wandering contributed to finding spiritual harmony between the peoples of the East and West (cultural projects by the Roerichs). Frantic 'rush into the distance', characteristic for the new European civilization, continued in the Russian Cosmism at a new level. The examples of works by N. Roerich, M. Nesterov, N. Leskov, V. Rozanov, N. Berdyaev, V. Solovyov, N. Fedorov show that the cosmists (writers, artists, thinkers) prepared the 'nomadic' self-consciousness of the Art Nouveau and the Post-Modernism age.